
ДМИТРИЙ СОРОКИН

Наполеон в творчестве Пушкина

I

Прошло сто пятьдесят лет с тех пор, как наполеоновская буря пронеслась от Немана до Москвы и откатилась обратно, не только до границы, но до самого Парижа. И прошло сто двадцать пять лет, как угас гений русской литературы — Александр Сергеевич Пушкин. Между этими двумя событиями, казалось бы, нет прямой связи. Но 1812 год и творчество Пушкина тесно связаны между собой: явление Пушкина, как и общий расцвет русской самобытной литературы, освобожденной от ига подражания, которое отмечало русскую культуру XVIII века, многим обязаны возрождению национального духа, поднявшегося из пепла сгоревшей Москвы.

Признавая огромную роль Отечественной войны 1812 года в пробуждении национального самосознания, не все исследователи этой эпохи приходят обычно к надлежащим выводам. Литературная критика, трактуя 1812 год, как психологический шок невероятной силы, не всегда перешагивает рамки этого исторического события, чтобы изучить, чем в своем развитии обязана русская литература влиянию войн с Наполеоном. Следует помнить, — а в забвении этого обстоятельства состоит греховность тех литературоведов, которые упрямо отделяют литературу от истории, — что время национального пробуждения не ограничивается только 1812 годом: оно охватывает целый период от Аустерлицкой битвы до вхождения русских войск в Париж в 1814 году. В эти без малого десять лет, когда напряженное внимание русской общественности постоянно было приковано к непонятной личности Наполеона, этого исчадия французской революции, сделавшего себя императором, чтобы перекроить карту Европы, в эти десять лет и был заложен фундамент новой самобытной русской литературы и русской философской и политической мысли.

Стоит вспомнить, что произошло в русской литературе с 1805 по 1814 год и какими важными последствиями для всей русской куль-

туры была чревата эта исключительная эпоха (а не только 1812 год). До начала XIX века русская литература несла ярмо подражания, особенно французам. Такие писатели, как Державин, отчасти Фонвизин, были исключением. Они остались одиночками, не создавшими новой школы. Галломания пропитывала русское общество во всем: верхи этого общества сочиняли, думали, одевались и ели на французский манер и даже говорили между собой по-французски. Прелестная комедия Фонвизина «Бригадир», одна из первых попыток осмеять галломанию, весны не сделала. Если Херасков, Хемницер или Богданович писали иногда о славянских витязях, то витязи их походили скорее на придворных Людовика XIV, чем на русских богатырей. Рабское подражание классицизму господствовало и не давало возможности создать чисто русскую литературу. Императрицы XVIII века поощряли подражание Западу, следуя заветам Петра, но забывая, что Петр проповедовал подражание Западу, чтобы воспользоваться его культурными ценностями для дальнейшего развития своей самобытной культуры. Даже первые ростки романтизма на Западе, в Англии и Германии, направленные против господства классицизма, были восприняты русскими писателями, как новая литературная мода, как предмет подражания, а не как пример утверждения самобытности. И передовые русские журналисты конца XVIII века больше писали, во французском стиле, о справедливости, гуманности и общественных нравах, чем о своем национальном самосознании.

Нужна была встряска всего общества. Ею и явились для России войны с Наполеоном. Потребовалась серьезная угроза родине, при возникновении которой всегда просыпается русский человек. И в этом услужил лютый корсиканец. Как не видеть связи между историческими событиями, всколыхнувшими нашу страну с 1805 по 1815 год (не говоря уже о том, что восстание декабристов, в 1825 году, было естественным эпилогом этих событий), и всем тем, что «заважилось» в нашей литературной жизни за этот десяток лет?

При первых же стычках с Наполеоном галломания получает серьезный удар. Многие задумываются над тем, что не пристойно подражать французам, если французы враги. Об этом с негодованием пишут лучшие журналы того времени — «Сын Отечества», «Русский Вестник». Комедии Крылова «Модная лавка» (1806), «Илья-богатырь» (1806), «Урок дочкам» (1807), высмеивающие галломанию, пользовались большим успехом благодаря историческим событиям.

Озеров, вдохновленный этими же событиями, пишет несколько трагедий, отклоняющихся от принципов классицизма и приближающихся к романтической драме. В «Эдипе в Афинах» (1804) судьба Эдипа перекликается с судьбой изгнанных узурпатором Бурбо-

нов. В «Фингале» (1805), в «Поликсене» (1808), и в особенности в «Дмитрии Донском» (1807), имевшем огромный успех, есть прямые намеки на Наполеона и Александра I. Эти пьесы дышат подлинным патриотическим пафосом; герои в «Дмитрий Донском» уже походят на русских людей, а не на французских рыцарей, переодетых в доспехи богатырей. Это было большим новшеством. Озерову не хватило гения Пушкина, чтобы создать национальную драму, но путь был проложен. Вековая цепь классицизма была надорвана самими русскими, — первая историческая русская драма появилась.

Под влиянием тех же исторических событий, в пылу патриотического подъема, Карамзин именно в эти годы пишет свою знаменитую «Историю Государства Российского», ознакомившую русских писателей с прошлым их родины и ставшую для многих из них полноводным источником исторических сюжетов (начиная с «Бориса Годунова» Пушкина).

Знаменитые поэты той эпохи, Федор Глинка и Денис Давыдов (первого Пушкин считал самым оригинальным поэтом своего времени, а второго одним из своих учителей), были участниками почти всех войн с Наполеоном и, научившись у солдат-крестьян простой русской речи, стали писать, задолго до Кольцова и Некрасова, стихотворения сочным народным языком. Это было большим новшеством для русской поэзии, вскормленной на высокопарных классических упражнениях.

Часто подчеркивается огромное значение ожесточенных споров Карамзина с Шишковым, в создании современного литературного языка. Как не видеть связи этих споров с исторической обстановкой того времени? Шишков боролся против «нового стиля» Карамзина потому, что опасался «всякого следа языка и духа чудовищной французской революции», — Наполеон был для него «олицетворением революции». Карамзинисты создали прогрессивный кружок Арзамас, имевший благотворное влияние на Пушкина, своего самого молодого члена.

В 1812 году самые нерешительные из русских писателей поняли, что время подражания отжило, что надо искать что-то новое, самобытное, русское. И как бы ни были слабы попытки того времени писать на русские темы, и не по привычным канонам, путь для Пушкина был проложен. 1812 год не пробудил национальное самосознание, а кристаллизовал его: оно начало пробуждаться в поражениях 1805 и 1807 гг., а окончательно расцвело после полной победы в 1815 году.

Можно было бы дать много примеров тех сдвигов и новшеств, которые подготовили создание самобытной русской литературы в эпо-

ху наполеоновских войн¹). Эти войны явились катализатором, ускорившим ее возникновение. Если новое и должно было развиться, если в конце XVIII века и были некоторые проблески, указывавшие на возможность этого развития, то нет сомнений в том, что это новое пришло бы позже, если бы Россия не пережила всего того, что ей пришлось пережить от 1805 до 1815 года. Конечно, гений Пушкина во многом помог созданию нашей новой литературы, но не помогло ли самому Пушкину то, что происходило в жизни его родины, когда он был еще мальчиком и когда Россия воевала с Наполеоном?

II

В детстве Пушкин лучше говорил по-французски, чем по-русски; свои первые стихи он писал по-французски, подражая французским поэтам. Но вот, через год после его поступления в Царскосельский лицей, началась Отечественная война. Эхо боев доходило до него: учителя читали лицеистам новости и он видел солдат, идущих на войну. За год до смерти, вспоминая это время, Пушкин писал:

... текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

В том, кого товарищи прозвали «французом», проснулся русский. Лицейские годы, воспитавшие будущего поэта, протекали в эпоху народного пробуждения. Его старшие друзья, будущие декабристы, вернувшиеся из Парижа после падения Наполеона, познакомили юного Пушкина с либеральными взглядами, которые очень скоро привели его в ссылку. Как не видеть связи между наполеоновскими войнами и судьбой Пушкина?

Отношение Пушкина к самому Наполеону было не одинаковым: оно подвергалось большим изменениям. До ссылки на остров Святой Елены Наполеон для Пушкина — тиран. В «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) юный поэт восклицает:

Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?..

Через год, в «Наполеоне на Эльбе», Пушкин пишет о Наполеоне, сидящем на скале:

¹) Подробно об этом я писал в докторской диссертации «Наполеон в русской литературе», защищенной 5 июня 1959 года в Сорбонне. (См. *Annales de l'Université de Paris*, 1960, No. 1).

В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал...

И в том же году, в восторженном стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году», Пушкин опять вспоминает о Наполеоне:

В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою...

В этих произведениях, как вообще во всех стихах того времени, Александр I воспевается, как доблестный герой и освободитель Европы; Наполеон противопоставляется ему, как деспот и губитель (Державин называл его Люцифером, Карамзин — Атилой).

Но скоро во взглядах Пушкина происходит перемена. Его восторженный, почти консервативный патриотизм уступает место либеральному вольнодумству, под влиянием молодых друзей, вернувшихся из-за границы и мечтавших о реформах (Каверин, Н. Н. Раевский, В. Л. Давыдов, Чаадаев). Наполеон кажется ему уже не тираном, но сыном революции, пронесшим по старой Европе новые веяния.

Кроме того, романтики, в особенности Байрон, которым Пушкин увлекался в юности, проповедают культ сильной, одинокой личности, непонятой обществом. Наполеон, заключенный на острове Святой Елены, был для них олицетворением такого героя.

Когда Наполеон умер, Пушкин посвятил ему оду. С первых же строк видна перемена в отношении поэта к Наполеону:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.

Наполеону уже все прощается:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.

Он страдающий отец:

Забыв войну, потомство, трон,
Один, один, о милом сыне
В унынье горьком думал он.

Последняя строфа оды знаменательна. В ней не только оправдание Наполеона, но и признание того, что он пробудил национальное сознание народа, указав ему «высокий жребий»:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

В упоминании о высоком жребии можно даже увидеть предвещание славянофильского мессианизма: двадцать лет спустя Хомяков посвятит Наполеону три стихотворения. В последнем из них Хомяков говорит, что Наполеон — самое лучшее воплощение славы и гордыни Запада. Но Наполеон был побежден на Востоке и поэтому Запад должен уступить место новой силе, которая пробуждается на Востоке. Народы смотрят с волнением на новую зарю, восходящую над пеплом Москвы.

Тютчев, посвятивший в те же годы, что и Хомяков, несколько стихотворений Наполеону, тоже писал о грядущей судьбе России, предначертанной Наполеоном:

И ты стоял — перед тобой Россия!
И вещей волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..

В 1823 году, в стихотворении «Недвижный страж дремал...», излагая свои пессимистические размышления о политическом состоянии Европы, Пушкин опять говорит о значении Наполеона для грядущей судьбы России:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья...

Славянофильское отношение к Наполеону таким образом проглядывает уже в творчестве Пушкина. Пушкин отличается от Байрона тем, что для английского поэта Наполеон — гордый тиран, тогда как для Пушкина он — страдающий Прометей, прикованный к скале Святой Елены. Смысл жизни Наполеона долго волновал Пушкина. В 1924 году он писал:

Зачем ты послан был, и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты бранный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

В том же году, в знаменитом стихотворении «К морю», в котором он сперва жалеет, что не мог убежать из России, поэт грустно замечает:

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне

Мою бы душу поразил.
Одна скала, гробница славы.
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.
Там он почил среди мучений...

Для него Наполеон гений и «властитель его дум».

Разочарование в том, что революции в Европе (контролируемой Священным союзом) не удались, привело Пушкина к пессимистическому заключению:

Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Это опять же оправдывает Наполеона, лишившего народы нужной им свободы. Подтверждение этому можно найти в том, что в письме А. И. Тургеневу, написанном в Одессе 1 декабря 1823 года, Пушкин приводит четыре строфы из своей оды «Наполеон» (о французской революции и о том, что Бонапарт лишил народ свободы, чтобы дать ему славу) и, целиком, стихотворение «Свободы сеятель пустынный», из которого взято приведенное выше четверостишие. Сопоставление самим Пушкиным этих двух произведений не случайно. В этом же письме Пушкин пишет Тургеневу, что он прочтается со своим либеральным бредом. (Был ли он совсем искренен, — или хотел только показать А. И. Тургеневу, хлопотавшему с Жуковским и Карамзиным о смягчении его ссылки, что он уже изменился?).

Пушкин иронизирует над молодыми людьми, прочащими себя в Наполеоны. В XIV строфе второй главы «Евгения Онегина» он пишет:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.

Тут Пушкин затрагивает важный вопрос о «сверхчеловеке», к которому он возвращается через несколько лет в «Пиковой даме» уже без иронии. Герман, как и Онегин, поклонник Наполеона. Он офицер. У Онегина был только бюстик Наполеона на столе, — у Германа есть физическое сходство с Наполеоном. В четвертой главе повести Томский говорит о нем: «У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». В той же главе, далее: «Он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно

напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну».

У Германа — культ сильной личности, он мечтает о славе Наполеона (как, между прочим, герои Стендаля и Бестужева-Марлинского).

Пушкин только слегка затронул тему свехчеловека, — ее разовьет позже Достоевский в «Преступления и наказаниях». Любопытно, что Раскольников, как и Герман, горд, беден, он ярый поклонник Наполеона; тут и там — смерть старух, которые должны помочь обоим героям стать богатыми и потому независимыми. Но у Раскольникова целая философия, знаменитое «все позволено» и желание проверить, вопь он или Наполеон.

Вплоть до возвращения из ссылки Пушкин все время обращается к Наполеону, к материалам о нем. Так, 5 июля 1824 года он пишет Вяземскому: «Ламартин хорош в своем Наполеоне». 19 мая 1826 года поэт Измайлов пишет ему из Москвы: «Скоро я буду иметь честь представить суду вашему мой перевод в стихах Казимира Делавинь (его послание Наполеону)». Но вот, после возвращения из ссылки, в конце 1826 года, Пушкина будто перестает занимать «властитель его дум», несколько лет он ничего о нем не пишет. Можно ли усмотреть в этом охлаждение к Наполеону? Или Пушкин боялся цензуры, избегал опасных тем? Вернее последнее. Кроме того, Пушкин все больше увлекается русской историей. Либерализм уступает место национализму. В 1831 году он пишет патриотические стихи об Отечественной войне: «Перед гробницею святой», о Кутузове, и «Бородинская годовщина». В этих стихотворениях нет ни слова о Наполеоне, — может быть, чтобы не сказать о нем злого, как требовала бы этого тема. Однако, в знаменитом стихотворении «Клеветникам России» (1831), обращенном к Западу, есть упоминание и о Наполеоне:

И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Содержат ли эти строки осуждение Наполеона или, — что вернее, — сказаны они только для того, чтобы напомнить Европе, от кого ее спасла Россия? Пушкин патриот и не может воспевать Наполеона за то, что он напал на Россию. И в XXXVII строфе седьмой главы «Евгения Онегина» мы читаем:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

В этих словах выражается скорее его любовь к Москве, чем осуждение Наполеона. Но как противоречиво и насмешливо звучат сохранившиеся наброски, написанные шифром, из десятой главы «Евгения Онегина», рукопись которой Пушкин сжег, по его собственному признанию, 19 октября 1830 года. Вот что он говорит об Александре I и 1812 годе:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
Гроза двенадцатого года
Настигла — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль русский Бог?
Но Бог помог — стал ропот ниже,
И скоро, силою вещей,
Мы очутились в Париже,
А русский царь — главой царей.³⁾

Поразительные размышления, если вспомнить то, что Пушкин писал в своих патриотических стихах. Во всяком случае, по словам Пушкина выходит, что Наполеон был побежден как-то случайно или по желанию Бога, а русские войска оказались в Париже «силою вещей».

Охлаждения Пушкина к Наполеону никогда не было. Это видно из стихотворения «Путешествие в Арзрум» (1829) и в особенности «Герой» (1830), где происходит разговор друга с поэтом. Друг спрашивает:

...кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт отвечает:

³⁾ А. С. Пушкин, Собр. соч. Берлин, 1921, изд. Ладыжникова, т. III, стр. 228.

Все он, все он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг спрашивает, когда, при каких обстоятельствах ему больше нравится Наполеон. Поэт выражает уже новую мысль:

Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим...

Пушкина поражает поведение Бонапарта в Яффе, среди чумных:

... ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

Когда же друг замечает поэту, что историк (Бурьен, в своих воспоминаниях) опровергает действительность этого происшествия, поэт возмущенно восклицает:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

До конца своей жизни Пушкин интересовался Наполеоном. Михаил Загоскин, автор романа «Юрий Милославский или русские в 1612 году» и участник Отечественной войны, под влиянием этой войны решил написать новый роман: «Рославлев или русские в 1812 году». Тема увлекла и Пушкина и он решил написать своего «Рославлева», смягчая слишком строгий патриотизм Загоскина и его ненависть к наполеоновской армии. К сожалению, Пушкин не успел его закончить.

Редактор «Современника», он уделяет большое место в нем сочинениям о Наполеоне и его времени, — во всех четырех томах «Современника» за 1836 год есть об этом стихотворения и статьи. В первом томе напечатано стихотворение Жуковского «Ночной смотр» (В двенадцать часов по ночам...); во втором опубликованы воспоминания Н. А. Дуровой, прозванной «девицей-кавалером», с предисловием самого Пушкина, и статья без подписи «Наполеон и Юлий Цезарь», написанная, может быть, Пушкиным. В этом же томе

длинная статья Вяземского о новой поэме Эдгара Кинэ о Наполеоне. В третьем томе «Современника» Пушкин напечатал свое стихотворение «Полководец», о Барклае де Толли, и статью Дениса Давыдова о партизанской войне. Наконец, в четвертом томе длинное описание взятия Дрездена Наполеоном, тоже Давыдова. В библиографии «Современника», под заголовком «Новые книги», многие книги касаются Наполеона, а некоторые сопровождаются даже комментариями³⁾.

Мы вправе говорить, что мысль Пушкина, от лицейской скамьи до смерти, влеклась к Наполеону, который оказался, по его собственному выражению, «властителем его дум». А через Пушкина «наполеоновская легенда» крепко укоренилась вообще в России первой половины XIX века.

III

Конечно, не один Пушкин проявлял горячий интерес к загадочной личности Наполеона. Если, до 1815 года, пока гремел гром орудий, Державин, Карамзин, Жуковский, Ф. Глинка, Крылов, Батюшков и многие другие писали о нем, как о деспоте и современном Батые, то после вхождения русских войск в Париж и ссылки Наполеона на остров Св. Елены отношение к нему русского общества резко изменилось. Он уже был не страшен и вызывал сочувствие.

Наполеоновская легенда возникла в России довольно быстро и ошибаются те критики, которые думают, что она была порождена «Мемуарами Св. Елены», в которых Наполеон, ловко и увлекательно, пересказал историю на свой лад, или что она была занесена в Россию западными романтиками. «Мемуары Св. Елены» появились в Париже только в 1823 году, когда поэты в России уже воспевали Наполеона (см. выше о стихах Пушкина, написанных в ссылке). Влияние западных романтиков проявилось тоже позднее и относилось оно почти исключительно к императору, страдающему на острове Св. Елены, тогда как тема 1812 года, мало затронутая на Западе, была тогда на кончике пера у многих русских поэтов. Может даже сложиться впечатление, что русские были благодарны этому непобедимому полководцу за то, что он предоставил им случай победить себя и выдвинуть Россию на первый план среди европейских государств.

Постановление Святейшего Синода, провозгласившего Наполео-

³⁾ Пушкин хотел напечатать в «Современнике» стихотворение Тютчева о Наполеоне — «Два демона ему служили», но цензурный комитет нашел его «непозволительным по неясности мысли автора, которая может подать повод к толкам весьма неопределенным».

на Антихристом, уже создало ему в России некий ореол сверхчеловека, еще до 1812 года.

В 1814-1815 гг. в письмах многих русских офицеров из Парижа выражается негодование французами (роялистами), которые встретили русских с радостью и открыто ругали того, кто был их кумиром в течении пятнадцати лет. Батюшков с волнением пишет, как французы набросили петлю на памятник Наполеону на Вандомской площади, чтобы сбросить его статую с высокой колонны.

Симпатии к Наполеону развивались и по чисто политическим причинам. Пока он правил, его считали деспотом и диктатором, но после его падения положение в Европе, под опекой Священного союза, не улучшилось, а кое-где даже и ухудшилось. В Германии, Италии, Испании развивалось революционное брожение. Передовая интеллигенция — в России будущие декабристы — стала сожалеть о Наполеоне и говорить, что он все-таки пронес по Европе либеральный и демократический дух Французской революции. Даже участники Отечественной войны, сражавшиеся против Наполеона и клеймившие его в своих стихах, такие, как Жуковский и Денис Давыдов, переменяли свое мнение о нем.

Молодые романтики пушкинской школы были самыми восторженными поклонниками Наполеона. И писали они, вспоминая не только о Святой Елене: Одоевский воспевае бессмертного вождя на вершине «Сан-Бернара», Бенедиктов на поле «Ватерлоо». Самый же пламенный поклонник французского императора в русской поэзии — несомненно Лермонтов. Он посвятил ему несколько прекрасных стихотворений, воспевал его уже в своих первых стихах и писал о нем в год своей кончины. Для него Наполеон настоящий сверхчеловек, могучий и одинокий дух, вроде его Демона.

Много было написано стихов о Наполеоне и в 1840 году, когда гроб императора с острова Св. Елены перевезли в Париж. Это, может быть, был апогей наполеоновской легенды. Обаятельная личность великого полководца продолжает привлекать писателей, но теперь их внимание переплавляется не в поэтические восторги романтиков: Наполеон оказывается предметом философских размышлений. Правда, Пушкин и в этом был первым.

Белинский, в период своего увлечения Гегелем, который считал Наполеона олицетворением мирового духа и двигателем истории человечества, написал две длинные статьи о «Бородинской годовщине» Жуковского и о «Рассказах о Бородинской битве» Федора Глинки. В них он изложил свои идеи о роли народа в истории, воспевал Наполеона и оправдывал его историческую миссию (Иванов-Разумник, в предисловии к изданию 1911 года Собр. соч. Белинского, полагает, что за эти статьи Белинского можно считать одним из основателей славянофильского движения).

В стихах Хомякова и Тютчева изображается призрак императора, выходящего из гробницы на берегах Сены и смотрящего со страхом на Восток, где подымается новая заря. В неоконченном историософском труде «Россия и Запад», седьмая глава которого называется «Россия и Наполеон», Тютчев хочет доказать, что Россия, как законная империя, должна была победить Наполеона, который, будучи чадом революции, тщетно пытался восстановить на Западе империю Карла Великого. Поэтому Запад потерял свою автономию и должен преклониться перед восточной империей. Тютчев даже мечтает о всемирной монархии со столицей в Константинополе (идею эту он заимствует у Наполеона). Любопытна роль, уделенная Наполеону славянофилами в их мессианской философии. Даже Герцен предсказывал тогда славянской расе великое будущее.

Мечты славянофилов померкли (до поры, до времени) с Крымской войной, которая нанесла наполеоновской легенде сильный удар. Наполеон III будто хотел отомстить за 1812 год и ненависть к этому новому Наполеону сильно повредила славе первого. Поэты отворачиваются от Наполеона — он становится объектом прозаиков. Михайловский-Данилевский пишет историю наполеоновских войн, в которой отзывается о Наполеоне с подчеркнутой враждебностью. Прежде романисты писали исторические романы, выдвигая Наполеона, как гениального полководца (Бестужев-Марлинский, Булгарин, Зотов), — теперь он подвергается критическому разбору. Достоевского-мыслителя Наполеон интересует, как пример сверхчеловека. Идеи о сверхчеловеке и богочеловеке развивает не только Раскольников, но и многие другие герои Достоевского (Версилов, Иван Карамазов, Кириллов, Подросток).

Достоевский пишет «Преступление и наказание», — Толстой в это время уже занят «Войной и миром» и тоже, но с другой точки зрения, изучает Наполеона. Интересно заметить, что первый том вышел сначала, как отдельный роман — «1805 год» — и в нем Наполеон выступает очень умным полководцем, от которого зависит исход Аустерлицкой битвы. Но потом, решив написать огромную эпопею о той эпохе, Толстой, возможно, под влиянием идей Погодина и Прудона о смысле войн, создает свою философию исторического фатализма и по необходимости искажает образ Наполеона, от которого уже не зависит ни одно сражение⁴). У Пушкина Тол-

⁴) Можно допустить, что враждебность Толстого к Наполеону объясняется и тем, что он, участник Севастопольской обороны, хотел как бы взять реванш за Крымскую войну описанием Отечественной войны 1812 г. Карикатурист Волков нарисовал Толстого в 1868 году, в журнале «Искра» (№ 6), пишущим «Войну и мир», глядя на статуэтку Наполеона III.

стой, может быть, заимствовал намерение Пьера Безухова убить Наполеона, как Полина в пушкинском «Рославле».

Несмотря на то, что преувеличения Толстого были слишком явны⁵⁾, «Война и мир» нанесла последний удар наполеоновской легенде в России. Все романисты, касающиеся темы 1812 года, уже невольно подчиняются влиянию Толстого: Данилевский («Сожженная Москва»), Мордовцев («Двенадцатый год»), Алданов («Святая Елена, маленький остров»). Если Наполеон изображен у них более объективно, чем у Толстого, то он все же остается типом отрицательным.

В XX веке только один Мережковский, в каком-то мистическом и апокалиптическом преломлении сравнивавший Наполеона с Христом, пишет о нем с восторгом, свойственным пушкинским временам.

Наполеон продолжает интересовать писателей и в наши дни. Советские романисты (Голубов, Никулин, Задонский), описывающие эпоху наполеоновских войн, тоже пишут о Наполеоне. Но у них проглядывает уже другая забота: объяснить личность Наполеона в соответствии с марксистскими принципами исторического материализма⁶⁾.

Антихрист, Аттила, тиран, Прометей на острове Св. Елены, жертва Священного союза, непризнанный герой, один из величайших гениев человечества, таинственный вершитель судеб, сын революции, беспринципный комедиант, жаждущий власти, орудие исторического фатализма, расчетливый политик, слуга буржуазии и капитала, как бы его ни изображали, как бы ни бранили или воспевали, Наполеон для русских писателей — не просто историческое лицо, а большая жизненная тема, как природа, смерть, родина или любовь, о которых можно писать вечно и всегда по-разному.

⁵⁾ А. П. Чехов хорошо выражает общее мнение в письме А. С. Суворину, 25 октября 1891 г.: «Каждую ночь просыпаюсь и читаю 'Войну и мир'. Читаешь с таким любопытством и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо. Только не люблю тех мест, где Наполеон. Как Наполеон, так сейчас и натяжка и всякие фокусы, чтобы доказать, что он глупее, чем был на самом деле. Все, что делают и говорят Пьер, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростов, — все это хорошо, умно, естественно и трогательно; все же, что думает и делает Наполеон, — это не естественно, не умно, надумано и ничтожно по значению...»

⁶⁾ Это хорошо видно в романе Л. Никулина «России верные сыны», в котором Наполеон, в разговоре с двумя коммерсантами, заявляет, что его цель — обогащение французской буржуазии.

МОСТЫ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

10

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)